

ХОЗЯЙСТВО И ТЕХНИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТВЫ

В. Пашуто

XIII век был переломным в истории литовского народа, перешедшего от догосударственных форм общественного устройства к формам государственным. В это время определилось место литовского народа в последующей истории, наметилась основная его территория, сплотились силы его — «приумножились языка литовского»¹.

Это важное событие в жизни народов Восточной Европы привлекло к себе пристальное внимание современников.

Но средневековая Литва не имеет своих летописцев, и её начальная история известна нам главным образом от русских книжников и немецких хронистов, для которых растущее литовское государство отнюдь не являлось предметом беспристрастного наблюдения. Весьма ценным источником для истории Литвы являются русские летописи² и особенно летопись галицко-волинская. Владимир-волинский редактор южно-русского свода использовал многочисленные отрывки из светского «Летописца» Даниила Галицкого, в котором сохранились важные для нас черты внутренней жизни литовского общества.

Немецкие хроники, при всей важности сообщаемых ими данных, требуют весьма осторожного к себе подхода ввиду их крайней тенденциозности. Так, составленная в 1225—1227 гг. хроника Генриха Латвийского³ может быть использована лишь с учётом её основного назначения, как отчёта папе с целью добиться для Альберта сана архиепископа. Отгнетая «заслуги» католического «просвещения», автор не жалеет тёмных красок для обрисовки жизни аборигенных народов.

Более сложен другой источник — до сих пор недостаточно изученная рифмованная хроника⁴. Составлена она, как полагают⁵, около 1290 г. близким магистру Анно светским автором, который использовал как письменные источники (в том числе хронику Генриха Латвийского, «buch» и др.), так и устную традицию (песни, рассказы очевидцев и т. п.), умело отобрав материал.

Начиная с 1279 г. автор сообщает о событиях, участником которых он был, а участвовал он в семигалльских войнах 80-х годов XIII в. и был даже знаменосцем при

осаде Сидобена⁶. Как явный сторонник Ордена, он совершенно переработал хронику Генриха Латвийского, особенно в части, касающейся прав Ордена на земли⁷; автор оправдывает магистра, когда тот не спешит защищать земли епископа, подвергшиеся нападению язычников⁸, он высмеивает трусость⁹ «босоногих монахов»¹⁰, воспевая при этом «подвиги» рыцарских предводителей. Язык хроники не блещет красотами стиля.

Автор не скрывает своего отрицательного отношения к литовцам. Например, сообщая, что немцы пришли в *Nalzen in das land*, он пишет: «Народ избивали свободной рукой, как поступают со скотом: мужчины, женщины и дети при этом мало щадилась»¹¹.

Иди о победе над Миндовгом у Амботена читаем: «Тогда зрядному числу язычников сломали шею, так что они лежали на земле, не помышляя ни о каких походах»¹².

Следует отметить некоторые стандартные поэтические формы, ссылки на которые как на источник, к сожалению, ещё можно встретить в литературе: описание приезда и отъезда крестоносцев; описание боя, местности (*manche böser Bach, und Brücke und bösen Wald*), похвала умершему или ушедшему магистру и т. п.

Мало нового в сравнении с рифмованной хроникой для поставленной проблемы имеется в хронике орденского капеллана Германа Вартберге¹³, ещё большего сторонника Ордена.

Обширный материал, находящийся в других изданиях (П. Дюсбург¹⁴, польские хроники, дипломатические материалы и т. п.), служит дополнением к этим основным источникам.

Перечисленные источники в прошлом частично использовались историками в качестве материала, иллюстрирующего главным образом хозяйственную отсталость литовских племён; при этом следует отметить, что исследователи некритически относились к немецким хроникам. Специальной задачи изучения хозяйственного строя древней Литвы, однако, историки перед собой не ставили.

Крупнейшие русские историки (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский) в своих трудах уделили Литве мало места; научная же разработка истории Литвы, начатая В. Б. Антоновичем, Н. Дашкевичем, про-

¹ Полное Собрание Русских Летописей — ПСРЛ. Т. VII, стр. 151.

² Разумеется, при учёте того нового, что внесли в их изучение И. А. Тихомиров, А. А. Шахматов, М. С. Грушевский, Г. Сушинский, М. Д. Присёлков, Л. В. Черепнин.

³ Генрих Латвийский (в дальнейшем Г. Л.). Хроника Ливонии. 1938 (см. Введение, стр. 58).

⁴ *Livländische Reimchronik*, ed. L. Meyer, Padeborn, 1876 (в дальнейшем L. R.); имеется и другое издание, в *Scriptores Rerum Livonicarum*, I (в дальнейшем SRL).

⁵ *Wachtsmüth Fl.* «Ueber die Quellen und den Verfafer der älteren livländischen Reimchronik». Mitau, 1878.

⁶ LR, S. 220—221.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., S. 39.

⁹ Ibid., S. 152.

¹⁰ Ibid., S. 97.

¹¹ О «святом» беспристрастии автора хроники см. SRL, I, S. 541.

¹² LR, S. 77.

¹³ *Hermann von Wartberge «Chronicon Livoniae»* помещена в *Scriptores Rerum Prussicarum* (в дальнейшем SRP). Bd. II, Leipzig, 1863.

¹⁴ *Dusburg P.* «*Chronicon terrae Prussiae*»; помещена в SRP. Bd. I, Leipzig, 1861.

долженная в трудах М. С. Грушевского, М. К. Любавского, А. Е. Преснякова¹⁵, не привела к специальному изучению истории древней (дофеодальной) Литвы, ограничившись общим освещением преимущественно вопросов её политической эволюции.

Н. М. Карамзин считал литовцев «мужественными разбойниками», презиравшими «мирные искусства гражданские»¹⁶.

В. Б. Антонович писал об отсутствии у литовцев до середины XIII в. начал государственности, в том числе и городов; литовское войско рисовалось им как «почти безоружные, разрозненные скопища литовской деревенщины»¹⁷. Такое мнение вошло в традицию, оказавшуюся чрезвычайно живой. Так, больше чем через 100 лет после Карамзина, касаясь истории древних литовцев, Н. Рожков писал:

«Духовное, психическое состояние литовского общества до того времени, как оно вступило в прочную связь с русской народностью — до 14 в., — отличалось крайней аморфностью соответственно примитивным условиям материальной культуры. Это выступает с особой ясностью, если обратить внимание на таких людей, как первый объединитель Литвы Миндовг и его сын Войшелк. Оба, в сущности, были полулюдьми, полуживотными (!?). Над ними вцело господствовал инстинкт» — и т. д.¹⁸.

Наконец, проф. Ю. Готье, признавая земледелие в Литве «чем-то вроде подсобного занятия», тоже признавал хозяйство древней Литвы отсталым, особенно хозяйство ятвягов. В доказательство он приводил цитату из Густынской летописи, где говорится, что дань с ятвягов была не богата — «кляка и кошицы и веники до бани: не имяху бо серебра ниже иного чого красного»¹⁹. Это одинокое свидетельство, восходящее к польской традиции, не может считаться веским аргументом; впрочем, в той же летописи несколько ниже приводится известие, что Лев

Данилович, разбив ятвягов, «много отуду користи принесоша»²⁰.

Недостаточную изученность истории древней Литвы отмечал М. К. Любавский. «Как ни важно было бы освещение экономической эволюции Литовско-Русского государства... — писал он, — автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении ввиду отсутствия серьёзных... специальных исследований по этой части»²¹. Позднейшая его работа также не затрагивает этой проблемы²².

Не вдаваясь в специальное изучение вопроса, авторы обычно отмечали лишь общую отсталость литовских племён, быстрее объединение их в ходе борьбы с врагами на западе и на востоке, создание государства Миндовгом и спешили затем перейти к материалам XIV века.

Недоработанном оставался и вопрос об основном занятии литовцев дофеодального периода. Если почти все исследователи сходились во мнении об общей отсталости Литвы, то расходились они в суждении об основном занятии литовского населения. Одни утверждали, что в древней Литве преобладали рыболовство, охота, скотоводство (К. Шайноха, А. Кок, Р. Крумбгольц, А. Трауше-Розенек, Р. Клаустинг, Ю. Готье)²³, другие говорили о преобладании земледелия (И. Фойгт, И. Ярошевич, М. К. Любавский, К. Ломейер и особенно Г. Ловмянский и др.)²⁴; ряд учёных занял промежу-

¹⁵ ПСРЛ, II, стр. 344. СПб. 1843.

¹⁶ Любавский М. Указ. соч. (из «Предисловия» автора).

¹⁷ Любаўскі М. Літва і славяне у іх узаемаадносiнах ў XI—XIII стагоддзi. Запіскі аддзела гуманiтарных навук, кн. 8. Працы клясы гiсторыi. Т. 3. Менск. 1929.

¹⁸ Szajnocha K. «Jadwiga i Jagiello», str. 182—183. Lwów. 1861; Koch A. «Ueber den Deutschen Orden und seine Berufung nach Preussen. Sammlung von Vorträgen für das deutsche Volk». XII, S. 356. Heidelberg. 1884; Krumbholz R. «Samaiten und der deutsche Orden bis zum Frieden am Melmo-See». Altpreussische Monatschrift 26, S. 201. Königsberg. 1889; Trauscher-Rosenek A. «Die Eingeborenen Altivlands im 13. Jahrh». Balthische Monatschrift. Bd. 43. 1896. S. 312; Klausting R. «Der lettische Grundbesitz während der Ordenszeit». Balthische Monatschrift. Bd. 70. 1910, S. 345—346; Готье Ю. Указ. соч., стр. 197.

¹⁹ Voigt Y. «Geschichte Preussens». Bd. I, S. 342. Königsberg. 1827; Jaroszewicz Y. «Zarysy z czasów pogańskich. Pismo zbiorowe wilenskie na rok 1859», str. 94. Wilno; Любавский М. Указ. соч., стр. 8; Lohmeier K. «Geschichte von Ost- und Westpreussen». Gotha, 1881; Lomianski H. «Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego», t. I, str. 126—162. Wilno. 1931. Однако обстоятельная работа Ловмянского написана в духе обычной буржуазной методологии. Кроме того на выводах автора, подборе им материала и т. п. серьёзно сказалось его стремление доказать свою главную мысль, что

основная роль в создании великого княже-

¹⁵ Антонович В. «Очерк истории вел. кн. Литовского». К. 1878; Дашкевич К. «Заметки по истории Литовско-Русского государства». К. 1885; Любавский М. «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно». М. 1910; Пресняков А. «Лекции по русской истории». Т. I. М. 1939, стр. 44—53 (цитаны автором в 1908—1910 гг.).

¹⁶ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. III. Гл. VIII, стр. 159—160. СПб. 1842.

¹⁷ Антонович В. Указ. соч., стр. 7—9, 16.

¹⁸ Рожков Н. «Русская история». Т. I, стр. 285. П. 1919. Впоследствии, правда, Рожков пересмотрел свои взгляды и признал Миндовга представителем «типа монархов, подобных Карлу Великому, Альфреду Великому, Владимиру Святому, Владимиру Мономаху». См. «Русская история». Т. I, стр. 268. П. 1923. «О следах кочевого быта» в Литве этой же поры писал Н. Дашкевич. Указ. соч., стр. 9.

¹⁹ Готье Ю. «Железный век в Восточной Европе», стр. 197, 191. М. 1930.

точную позицию, ставя решение вопроса в непосредственную зависимость от особенностей природы края (О. Гейн и др.)²⁵.

Продолжая традиции древних немецких и польских хроник, немецкие историки проводили мысль о крайней отсталости литовских племён, объясняя её отрицательным влиянием географической среды. Подобные суждения позволяли им более уверенно поведствовать о «цивилизаторской» деятельности немецких средневековых колонизаторов. Замалчивались трезвые замечания более объективных учёных о том, что, например, «овладение Немецким орденом Пруссией не означало введения более высокой народнохозяйственной культуры» и что «в начале завоевания меч уничтожил материального благосостояния больше, чем крест мог его восстановить»²⁶.

Ничего нового о Литве не сказал и Г. Вернадский²⁷.

Естественно, что при таком подходе к решению вопроса быстрое возвышение великого княжества Литовского в XIII в. представлялось загадочным²⁸ и объяснялось целиком внешнеполитическими причинами.

Полагая, что изучение некоторых сторон хозяйственного строя древней Литвы пополнит наше представление о внутренних предпосылках образования великого княжества Литовского, попытаемся пересмотреть относящийся к этому вопросу материал на основе методологических принципов, выработанных советскими историками и прежде всего Б. Д. Грековым. Статья основана на фактах, касающихся территории литовских племён (аукстоте, дьяволта, нальшанск, жмудь, корсь, пруссы, ятвгия и др.) или тесно связанных с ними (семигаллы, куроны).

Прежде всего необходимо определить основу хозяйства литовского общества в период оформления в нём дофеодального государства²⁹.

Вопрос о начале оформления дофеодаль-

ства Литовского принадлежала Немецкому ордену (*Ibidem*. Т. II, str. 282 *passim*).

²⁵ Hein O. «Altpreussische Wirtschaftsge-schichte bis zur Ordenszeit». Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 22, S. 146—167, 173—216. Berlin, 1890.

²⁶ Martin y B. «Milch und Molkereiwesen bei den alten Preussen». Altpreussische Monatsschrift. IX. Königsberg. 1872.

²⁷ Verнадский G. «Ancient Russia», p. 228. London. 1944.

²⁸ Как писал А. Е. Пресняков: «Тайный для нас период литовской истории (1282—1316) завершается выступлением крепко сплочённого государства под нераздельной властью Гедимины» (Указ. соч., стр. 55—56).

²⁹ Не касаясь сложного и ещё не решённого вопроса о происхождении литовского народа, укажем лишь, что различие точек зрения наших крупнейших специалистов легко проследить по их недавним высказываниям. Ср. Н. С. Державин «Происхождение русского народа», стр. 118. М. 1944; рецензию на эту книгу В. И. Пичеты в журнале «Вопросы истории» № 1, 1945, стр. 124, и рецензию А. Д. Удальцова в журнале «Большевик» № 22, 1946, стр. 60—63.

ных государств в Прибалтике требует специальной разработки.

Ранние немецкие хроники и свидетельства более древних источников дают убедительный материал, подтверждающий, что уже в весьма давние времена земледелие являлось основной формой производства у всех литовских племён, особенно у пруссов. Предки литовского племени пруссов—эстии, населявшие побережье Балтийского моря у устья Вислы, уже в I в. н. э. возделывали хлеб, овощи; хотя и редко, но употребляли железные орудия, чаще применяя деревянные. Таким рисует эстиев Тацит. Он пишет: «Очень редко употребление железа, но часто — палок. Возделывают хлеб и другие продукты более терпеливо, чем соответствует обычному германскому безразличию (в этом). Но они ищут и в море, и одни из всех собирают среди отменей и на самом берегу янтаря, который они называют «glaesum»³⁰.

После Тацита о литовских племенах упоминал ряд авторов, однако для экономической их характеристики материал можно найти лишь у Вульфстана, купца из Шлезвига. Его запись о пруссах (эстиях) имеется во «Всемирной истории» Орозия, переложённой для англо-саксонского короля Альфреда Великого (887—904). Вульфстан сообщает, что страна эстиев «очень велика, и в ней находятся многие города; и в каждом городе король; и там также очень много мёду и рыбной ловли; и король и богатые люди пьют кобылье молоко, а бедные и рабы пьют мёд. И много войн бывает у них»³¹. Невольно вспоминается древняя Русь — «страха городов», мир массы общин. Уже Б. Мартини вполне логично допускал, что «города» Вульфстана предполагают наличие земледелия³².

О новых чертах хозяйственных отношений пруссов имеются сведения в «Житии св. Войтеха» Бруннона (997). Он пишет, что пруссы изгнали св. Адальберга из страны, говоря, что «из-за подобных чужеземцев наша земля не будет приносить урожая, деревья — плодов, не родится новый скот, а, напротив, и старый умрёт»³³.

Первые русские и польские походы на ятвягов (судавов) и пруссов, приведшие к тесному общению русских и литовских территорий, датируются десятым веком. К сожалению, наши летописи не содержат данных для суждения о хозяйственных отношениях в Литве до XIII в., но они есть в польских хрониках. Так, Галл (XI в.), наблюдая бо-

³⁰ Cornelli Taciti «De situ ac populis Germaniae», ed. W. Hirschfelder, S. 79. Berlin. 1878. Вопрос М. К. Любавского: «Почему эстии называют янтарь «glaesum vocant» — решён в том смысле, что glaesum производится от латского glasis, а германское gläsaz появилось позднее. Это признают самые правые немецкие историки. См., например, Ehrlich В. «Die alten Preussen» В «Der ostdeutsche Volksboden». Breslau. 1926, S. 267.

³¹ SRP. Bd. I, S. 733. Leipzig. 1861.

³² Martin y B. Op. cit., S. 343—345.

³³ Monumenta Poloniae Historica (MPH), t. I, str. 180—181. Lwów. 1864.

лее отсталый край галиндов и сосов, писал об отсутствии у них городов и крепостей, но заслуживает внимание его замечание о том, что вся земля «распределена там по жребию в потомственное пользование жителям и земледельцам»³⁴; он же говорил, что Болеслав в том краю «сжёг многие сёла и постройки» («caedificia villasque multas»).

В хронике Винченца Кадлубка читаем, что наступавшему на ятвягов (1192) Казимиру Справедливому было трудно вызвать ятвягов на открытый бой, так как те предпочитали нападать из засад; поэтому польские войска занимались «опустошением их святинь, посёлков, сёл и высоких божиц; жгли гумна с хлебом»³⁵.

Таковы свидетельства письменных источников. Эти свидетельства подкрепляются археологическими данными. Последние археологические работы показали, что должно быть пересмотрено мнение А. А. Спицына о датировке и этнической принадлежности Дьяковых городищ³⁶. Дьяковы городища, как и сходные с ними древние слои городищ Смоленщины, исследованные А. П. Лявданским³⁷, датируются началом первого тысячелетия, что соответствует сообщениям Тацита. Этнически эти городища относят к протолитовско-славянскому элементу³⁸.

Археологи полагают, что во времена Тацита эстии были оседлым народом, занимались земледелием (вероятно, мотыжео-подсеенным), охотой, скотоводством (лошади, коровы, свиньи, овцы), знали металлургию и состояли в торговых связях с греко-римским (янтарные пути) и восточным мирами. Жилища той поры — небольшие круглые землянки — свидетельствуют об обособлении отдельных семей. Укрепления принадлежат отдельным родам. Образование семейной общины датируется первой половиной I тысячелетия. К этому же времени относится огромное количество курганов и могиль-

ников. Курганы о сожжениями более раннего происхождения ещё однородны и бедны³⁹, но ближе к IX—X вв. по ним можно судить об усилении имущественной дифференциации, что согласуется с данными письменных источников (Вульфстан, Бруннон).

При раскопках у Межуля (бывший Свенцанский уезд) найдены кости коровы, свиньи, коня; топор, пряслица, стремя; в чулане — хлеб, крупа (находки датируются X—XI веками)⁴⁰.

По устройству эти городища были подобны «городам» древлян или «городам» Вульфстана, которые он видел у пруссов (где в каждом «городе» свой король), или жмудским пилькальнисам того же периода. Они представляли собой укрепленные городки (до 100 м в длину) с населением, размещенным в предместьях, явные следы которых открыты при больших городищах.

Новейшие археологические изыскания рисуют и жмудскую культуру как металлургическую — найдены ножи, боевые топоры, боевые серпы для всадников, железные наконечники копий, многочисленные украшения: шейные гривны, цепи, браслеты. Что эта культура сельскохозяйственная (возделывались пшеница, рожь, ячмень, просо), показал уже Л. Кржиwickий⁴¹. Примером запоздалого образования лето-литовского этнического элемента считают лишь ятвягов Полесья, сохранивших много литовских (каменные могилы, исчезнувшие у литовцев) и славянских черт.

Археология отмечает ещё один штрих — относительную плотность литовского населения, оставившего нам от первой половины I тысячелетия многие кладбища в несколько сот курганов каждое.

Следовательно, можно заключить, что литовские племена, обитая на территории Прибалтики, между Вислой и Двиной, уже в I в. н. э. занимались земледелием, которое к X в. у пруссов и жмуди достигло значительного развития. Здесь следует упомянуть мнение П. Н. Третьякова о том, что железные лемехи в лесных северных и западных районах появились в X—XI веках⁴².

Перейдём к данным XIII века. Можно утверждать, что немцы не принесли земледелия в Восточную Прибалтику. Говоря словами немецкой хроники, они только пожаловали многое из того, чего не сеяли.

Разорение засеянных земель⁴³ немцы считали наиболее действенным средством борьбы; именно вследствие этих действий немцев местные жители стали «*karst und blos*»⁴⁴ и частью переселились в глубь Литвы, частью подпали под немецкое иго.

³⁹ Особняком стоят прусские курганы начала I тысячелетия.

⁴⁰ Спицын А. Указ. соч., стр. 167.

⁴¹ Там же, стр. 165.

⁴² Кржиwickий Л. «Последние моменты неолитической эпохи в Литве». Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина, стр. 303. М. 1913.

⁴³ Третьяков П. «Подсеенное земледелие в Восточной Европе». Известия ГАИМК, Т. 14, вып. 1-й, стр. 28.

⁴⁴ LR, SS. 171—174; PD III.

⁴⁵ LR, S. 260.

³⁴ Gall M. III, 24, МРН, I, 478.

³⁵ Magistri Vincentii, ep. Cracoviensis, Chronica Polonorum, МРН, II, 422. Lwów. 1872.

³⁶ Спицын А. «Литовские древности». — Tauta ir žodis, кн. III, стр. 166. Kaunas. 1925.

³⁷ Лявданский А. «Некоторые данные о городищах Смоленской губернии». Научные известия Смоленского государственного университета. Т. 3, вып. 3-й. Общественно-гуманитарные науки, стр. 224; ср. стр. 180 Смоленск. 1926.

³⁸ Равдоникас В. «О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных». Известия ГАИМК, вып. 103-й. М.-Л. 1934, стр. 112; то же у Н. С. Державина. Указ. соч., стр. 118. Ныне уже говорят о II в. н. э. как о времени, когда различаются славянские и лето-латвийские элементы. Ср. В. И. Равдоникас «Маркс и Энгельс и основные проблемы истории доклассового общества». Известия ГАИМК, вып. 81. М.-Л., стр. 181, 1934, а также П. Н. Третьяков «Северные восточно-славянские племена» в сборнике «Материалы и исследования по археологии СССР». № 6, Л. 1941, стр. 16—18, 29, 40 и др.

Земледельческий характер ятвягов находит новое подтверждение в данных XIII в.: так, имеется известие, что Даниил Галицкий в ятвяжском селе Корковичах, где было всего лишь два «двора», нашёл столько хлеба, что его достало, чтобы накормить всех людей и лошадей и ещё осталось⁴⁶. Естественно, что, подчинив то или иное литовское или прибалтийское племя⁴⁷, немцы сразу же вводили посочное обложение⁴⁸, встречающееся у всех подчинённых немцам племён, включая пруссов⁴⁹, — меру зерна с плуга⁵⁰ или с рабочего коня⁵¹. Уместно вспомнить следующее указание Б. Д. Грекова: «Если единица обложения в данном обществе получила своё происхождение от главнейшего пашенного орудия производства, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с обществом безусловно земледельческим»⁵².

Источники указывают на то, что в древней Литве встречались разнообразные сельскохозяйственные культуры, как-то: овёс, рожь, пшеница, ячмень⁵³, горох⁵⁴.

На значение земледелия указывает и наличие у пруссов культа бога Курхе (Curche), связанного с земледелием; в праздники изображение этого бога проносили по полям⁵⁵. Распространённость имени бога Курхе подтверждается также данными топонимики.

Между Литвой и Русью издавна установился обмен хлебом: так, в случае недостатка ятвяги покупали хлеб у Червонной Руси⁵⁶, собственно литовцы — у Полоцка и Смоленска⁵⁷. Прочность и давность такого рода

⁴⁶ ПСРЛ, т. II, 1908. Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 834; ср. Новгородскую I летопись, изд. 1888 г., под 1218.

⁴⁷ Следует заметить, что материалы, относящиеся к ливам, лэтам, эстам, эзелцам, также безусловно устанавливают земледельческий характер последних (см., например, ГЛ, стр. 72—73, 242; там же, IV, 3; IX, 11; XVI, 3, 5; XVIII, 3; LR, SS. 9—12, 39).

⁴⁸ Lowmianski H. Op. cit., t. I, str. 152

⁴⁹ Preussische Urkundenbuch (в дальнейшем PU), Politische Abteilung, ed. Philipp. Bd. I, I; Königsberg, 1882; Bd. I, 2 ed. Seraphim, Königsberg, 1909; см. I, 2, № 204 (1263), S. 158; № 262 (1267), S. 189.

⁵⁰ ГЛ, II, 7; X, 13.

⁵¹ ГЛ, XV, 5; и под 1211, 1214 гг. и др. Денежное посочное обложение встречаем у ээльбев. Liv-Esth-und Kurländisches Urkundenbuch (в дальнейшем — LU), ed. F. G. Bunge, I, II, № 559. Revel. 1853.

⁵² Греков Б. «Киевская Русь», стр. 26. М. 1944.

⁵³ LU, I, № 488.

⁵⁴ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II, стр. 228; Рига. 1879; Г. Ловмянский считает, что главным продуктом сельского хозяйства была рожь как озимое и овёс — яровое (Op. cit., vol. I, str. 222).

⁵⁵ Lowmianski H. Op. cit., str. 153.

⁵⁶ ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 879.

⁵⁷ О господстве земледелия в Белоруссии, высокой сельскохозяйственной технике, обилии культур, развитии огородничества см.

обменных отношений подтверждаются проникновением в литовский язык из русского таких слов, как: lėnkaw — поле, karvòjus — каравай, talaknà — толокно, terėbyūi — тереть, volàkpas — волокно, cėgėšna — черешня, baragas — борог (большой стог сена); в период до половины XII в. проникли слова: kūbilas — кьбэль (мера зерна; позже — вообще ящик), rídikas — рьдькь (редька) и т. п.⁵⁸ Очевидно, имел место и какой-то внутренний обмен излишками хлеба, ибо von alders (исстари) у жмуди и аукстоте существовал обычай в случае неурожая у одного из этих племён покупать хлеб у другого племени.

Главными орудиями сельского хозяйства были соха, плуг⁵⁹ и борона⁶⁰. Зерно мололи на мельницах⁶¹. В качестве тягловой силы использовали рабочего коня и вола.

Достаточно развиты были и другие отрасли хозяйства. Из хроник мы знаем, что широкое распространение у литовцев имело скотоводство. Так, во время неудачных войн они теряли тысячи голов скота⁶² и лошадей. В хронике постоянно упоминаются быстрые кони литовцев⁶³, они наводили страх на тяжёлую рыцарскую кавалерию и слабо вооружённую пехоту. Вообще скотоводство было разнообразным: разводились бараны, свиньи, козы⁶⁴, лошади рабочие и верховые⁶⁵ и т. п. Пруссы имели свои исконные наименования для молочных продуктов. По Христбургскому договору 1249 г., они обязались воздерживаться от потребления мясной и молочной пищи в период великого поста⁶⁶.

Широко было развито бортничество⁶⁷, о чём говорят также и акты⁶⁸. Неоднократно велись между новыми землевладельцами споры о туземных лесных ульях⁶⁹. Ульи продавали, меняли. Мёд — напиток, издавна распространённый у литовцев⁷⁰; воск — один из главных предметов торговли. При обилии лесов литовская фауна отличалась исключительным разнообразием. Здесь встречались медведи, дикие лошади, кабаны, олени, волки, лисы, куницы, бобры, горностаи, ласки и пр., служившие для литовцев предметом охоты⁷¹. В XIII в. наряду со старинной и новой монетой в качестве денег обращались меха. Кроме того литовцы занимались рыболовством, которое было развито не только в приморских районах (где оно сочеталось

труд В. И. Пичеты «История сельского хозяйства и земледелия в Белоруссии». Ч. I, стр. 8—17. Минск. 1927.

⁵⁸ Buga K. Die litauische-weissrussischen Beziehungen und ihr Alter. «Zeitschrift für slavische Philologie», ed. M. Vasmer. Bd. I, S. 29 ff. Leipzig. 1925.

⁵⁹ ГЛ, XXIII, 5.

⁶⁰ LU, I, № 119.

⁶¹ LR, S. 200.

⁶² Ibidem, S. 43.

⁶³ ГЛ, 118.

⁶⁴ Ibidem, 157.

⁶⁵ O. Hejn. Op. cit., SS. 175 — 176.

⁶⁶ PU, I, S. 164.

⁶⁷ ГЛ, 109 (1207), XVI, 3 и др.

⁶⁸ LU, I, № 80.

⁶⁹ Ibidem, № 542 (1282).

⁷⁰ ГЛ, II, 8; PD, III, 5.

⁷¹ PD, III, 70.

с тюленьим ловом)⁷³, но благодаря обилию рек и в глубине страны. Прибрежные рыбацкие поселения (например у Клайпеды) снабжали рыбой довольно широкий круг потребителей.

Перейдём к характеристике торговли. Нет сомнений, что не немцы и не датчане принесли торговлю в Прибалтику; они лишь захватили и использовали налаженные торговые связи — и сухопутные и речные (Висла, Двина, Неман) коммуникации, и ценой разрушения местной торговли и разграбления производительных сил Прибалтики укрепили свои приморские города.

Издавна существовали торговые связи между Литвой, Русью и бассейном Двины, последний от семигалльской гавани *Portus Semigallogum* (устья реки Семигалльской Аа) до смоленской гавани Смядынь был под постоянным контролем Руси⁷⁴.

Факт владения Руси Двиной признаётся иностранными источниками. Так, согласно рифмованной хронике, земли ливов, лэттов и зелов принадлежали Руси⁷⁵; по мнению папы Климента III, епископство икскольское основано в России⁷⁶; папа Урбан IV знал, что восточная Лэтгалия лежит *in... regno Rusciae*⁷⁷. Поэтому нег оснований верить немецким хроникам и их немецким интерпретаторам, утверждающим, что немцы основали Ригу на голем месте (как это рисует Генрих Латвийский) и что гавань *Portus Semigallogum* (на основе которой и возникла Рига) имела вид обменного базара⁷⁸.

Даже из обмолвок Генриха Латвийского можно уловить, что в Риге было значительное литовское⁷⁹ и семигалльское⁸⁰ население. Жили в Риге и русские⁸⁰. Рижская долговая книга подтверждает наличие русских домов в Риге⁸¹, а получение русскими купцами бюргерских прав в городе убеждает нас в том, что русские купцы имели здесь налаженные торговые связи и, опираясь на под-

держку Новгорода, Полоцка и Смоленска, заставили крестоносцев считаться с их правами. Очевидно, не утратил силы и смоленский договор 1229 г., ибо, судя по Рижской долговой книге, русские купцы проезжали через Ригу в Любек⁸², где со времён Генриха Льва вели бесполошину торговлю.

Немцы нарушили местную торговлю на занятых ими местах; они сразу же ввели для Риги стапельное право, закрыли Семигалльскую гавань и не пускали туда суда из Двины⁸³ и т. п. Более того, с помощью папской курии крестоносцы пытались блокировать Литву. В 1218 г. папа Гонорий III запретил ввоз с запада к пруссам железа, соли, оружия и т. п.⁸⁴. Папа Иннокентий IV в булле 1253 г. утверждал, что одним из поводов основания Мемеля было прервать поступление к литовцам вышеназванных предметов, а также одежды⁸⁵; он же в 1248 г. по просьбе епископа Эзельского и Висского запретил доставлять язычникам оружие, железо, лошадей, съестные припасы и пр.⁸⁶.

Но Великое княжество Литовское могло найти торговые пути в иных направлениях: в Червонную Русь, где в изобилии были соль, железо, а транзитом из Чехии и Венгрии можно было получить и другие металлы; кожи — от половцев и др.⁸⁷.

Известно, что в 1274 г. магистр Эрнст, захватив Динабург (Даугавпилс), «заключил союз с Рудольфом Унгарским, также вместе с рижским капитулом и господином Германом, епископом Эзельским, дал купцам некоторые установленные свободы в Ливонии»⁸⁸.

Видимо, и прежде рижские купцы знали путь к этому городу. Не случайно Тройден заявил: «Этот замок построен внутри моего сердца» — и совместно с русскими отрядами не раз нападал на Динабург. Литовцам удалось на время вернуть его в 1305 году.

Легко объяснимо постоянное стремление литовских князей к Полоцку и Смоленску. Немецкое наступление отрезало Литву от Балтийского моря, татарское вторжение закрыло южные пути — всё это заставляло великих князей литовских искать опоры в русских городах, имевших притом «вольный путь», признаваемый Ригой. Новгород, например, не раз пользовался «своей торговой силой и закрывал доступ в Русь судам под чёрным вымпелом с белым крестом»⁸⁹.

И если Генрих Латвийский пишет: «Люди там (в Новгороде. — В. П.) полны надменной сести и в гордости своей весьма заносчивы»⁹⁰, то это значит, что Новгород под ру-

⁷² LU, № 805a.

⁷³ Сапунов А. «Река Западная Двина». Витебск, 1893; М. Добнар-Зпольский и «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца 12 столетия», стр. 20; К. 1891; Брим Б. «Путь из варяг в греки». Известия АН. VII, серия отделения общественных наук, № 2, Л. 1931, стр. 231. О том же свидетельствует археология. См. Краткие сообщения ИИМК, № 11, 1945, стр. 114 и сл.; Ф. В. Таранович «К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР». «Советская археология», 1946, № 8, стр. 249 и сл. Филологические данные подкрепляют мнение археологов, см. Buga K. Op. cit., S. 26 passim.

⁷⁴ LR, S. 15. Ср. ГЛ, I, 3.

⁷⁵ LU, I, № 10.

⁷⁶ Ibidem, № 380.

⁷⁷ Lowmiański H. Op. cit. T. I, str. 165.

⁷⁸ ГЛ, V, 4 (1201); X, 6 (1225).

⁷⁹ Там же, IX, 3 (1205).

⁸⁰ Histor. Russiae Monumenta (HRM) I, № 12.

⁸¹ Das rigische Schuldbuch (1285—1352), hrsg. v. H. Hiidebrand, № 1511. St. Petersburg, 1872.

⁸² Ibidem.

⁸³ ГЛ, IV, 7 (1200).

⁸⁴ PU, I, № 25, S. 18.

⁸⁵ LU, I, № 257.

⁸⁶ PU, I, 226 (тоже Урбан IV, см. LU I, № 371 (1262)).

⁸⁷ Пашуто В. «Галицко-Волыньское княжество времён Даниила Романовича». Учёные записки Ленинградского государственного университета, № 67, 1941, стр. 27—31.

⁸⁸ SRP, II, p. 48.

⁸⁹ См. ГЛ., SS. 83, 75; ср. Новгородская I летопись. СПб. 1888, стр. 162 (1188).

⁹⁰ ГЛ, S. 184.

кой «низовских» князей в основном вёл правящую внешнюю политику⁹¹.

По мере усиления великого княжества Литовского укреплялись его торговые связи, охватывая и запад и (вопреки Ордену) и восток — бюргерство. Не случайно Гедемин в послании к приморским городам (1323 г.) говорил о старых связях своихородителей (progenitores) с западными купцами: для них всегда был открыт свободный путь через литовские земли к Новгороду и Пскову.

Из упомянутой долговой книги, хотя она в силу своей специфики даёт больше сведений об экспорте, чем об импорте⁹², видно, что Рига возила из Руси и Литвы дерево, рожь, мёд, ячмень, солод, лён, воск, сало, меха; воск упомянут и литовский и лэттский, хотя на первом месте — русский; среди мехов встречаем обычные ходовые русские и литовские сорта; вывозились из Риги сукна, полотна, соль, железо, лошади⁹³, шафран, т. е. как раз те товары, экспорт которых к язычникам запрещала папская курия.

Наконец, отметим некоторые мелкие, но любопытные данные источников, относящиеся к затронутому вопросу.

Прусы имели большой флот⁹⁴; у семигаллов, связанных с морской торговлей, всегда имелись под рукой корабельные канаты⁹⁵; немецкие хроники не отличают жмудские суда от орденских.

Пиратство, предшествовавшее торговле, существовало ей даже после укрепления государственных начал в центральной Литве. Эзельцы привозили пленниц из Швеции и продавали их куронам и др.⁹⁶; пленных ценили и при Миндовге, ибо хронист отмечает, что Войшелк, придя в Литву, выпустил пленных христиан без выкупа⁹⁷. Источники много говорят о том, что литовцы угоняли пленников. Рижские бюргеры покупали у литовцев пленниц ещё в 1300 году⁹⁸. Позже, с развитием в Литве феодального землевладения, картина меняется: ливонцы продают пленных Литве и «схизматикам» (т. е. Руси)⁹⁹.

Следует отвергнуть мнение Гильдебранда об отсутствии свободных капиталов в Лит-

ве и утверждение Гейна, что они были лишь мёртвыми ценностями¹⁰⁰. Свободные капиталы в Литве имелись. Так, жмудские *pobiles* поразили крестоносцев количеством золота¹⁰¹; за знатного пленного платили выкуп в 500 озеригов (250 гривен)¹⁰²; за семь ятвяжских князей был внесен огромный выкуп — 4900 гривен¹⁰³. В 1250-х годах в крепости Синтэлес сидели крупные литовские дружинники, которые охотно уплатили бы серебром и золотом за свою свободу¹⁰⁴; можно увеличить количество подобных примеров.

Деньги не являлись мёртвыми ценностями. В деньгах (наряду с зерном) были выражены повинности и штрафы, установленные немцами; на деньги в середине XIII в. покупали себе жён пруссы¹⁰⁵; серебром и мехами платили за ввозимые товары ятвяги¹⁰⁶.

Была и внутренняя торговля в Литве. Рифмованная хроника сообщает, что во время двухлетнего перемирия жмуди с Орденом в середине XIII в. «их купцы могли ездить открыто»¹⁰⁷. Конечно, не следует преувеличивать размеры внутренней и внешней торговли Литвы, особенно до укрепления феодального государства, но, разумеется, не может быть принято и утверждение Длугоша, что Литва платила Руси дань корой дубовой. Качественное состояние внутренней торговли определить пока, без достаточных данных (в том числе и археологических) о ремесле, невозможно. По письменным свидетельствам можно лишь заключить, что местное ремесленное производство было достаточно разнообразным. О пруссах мы знаем, что у них «женщины и мужчины имели обыкновение ткать одни полотняные, другие шерстяные (ткани)»¹⁰⁸. Археология подтверждает давнее знакомство литовцев с шерстяными и льняными тканями, причём найдены два сорта последних¹⁰⁹. Те же пруссы носили башмаки с кожаными ремнями¹¹⁰. Во многих местах выделялись орудия производства (косы¹¹¹, топоры¹¹² и г. п.). Всё перечисленное могло составлять часть предметов внутреннего обмена.

Большое развитие в XIII в. получило производство оружия, так что ко второй поло-

⁹¹ Ещё в 1221 г. князь Давид, сын Мстислава Торопецкого, совершил поход в Сколонию (область на Нижнем Немане) и осаждал город, на месте которого позже возник Рагнит (SRP I, SS. 133, 241). Это, вероятно, один из многих не известных нам фактов, связанных с сухопутной торговлей Новгорода с Литвой.

⁹² Hildebrand H. Op. cit., S. 214.

⁹³ Литовские лошади отличались быстротой, но с развитием в Литве своей тяжёлой рыцарской кавалерии литовцы стали ввозить специальные породы лошадей.

⁹⁴ PD, III, 102. Но, конечно, флот куронов, ревелдцев и эзельцев был более внушительным — 300 судов (ГЛ, 142 (1211); ср. ГЛ, 83. Немцы сами жаловались на двух врагов: Литву на суше и на эзельцев, сила которых в кораблях. См. LR, S. 4).

⁹⁵ ГЛ, 72.

⁹⁶ Ibidem, 250 (1226).

⁹⁷ LR, S. 164.

⁹⁸ Прибалтийский сборник. Т. II, стр. 69.

⁹⁹ LU, II, № 710.

¹⁰⁰ Hein O., Op. cit., S. 214.

¹⁰¹ PD, III, 228; S. 149.

¹⁰² LR, S. 3072.

¹⁰³ Codex diplom. Masoviae, № 407 (1241). Warszawa. 1919. Следует помнить, что в конце XIII в. мера овса (2000 kg) стоила 3 гривны.

¹⁰⁴ LR, S. 136.

¹⁰⁵ PD, III, 5, SS. 53 — 55.

¹⁰⁶ ПСРЛ, II, стр. 879.

¹⁰⁷ LR, S. 107; в Гевене упомянут эст Тобелин, некогда крещёный на Готланде (ГЛ, 200 (1219)).

¹⁰⁸ PD, III, 5 (S. 55); ср. у эстов — ГЛ, 234.

¹⁰⁹ Покровский «К исследованию курганов и городищ на восточной границе современной Литвы». Труды IX археологического съезда, II, стр. 187—188.

¹¹⁰ PD, III, 5.

¹¹¹ LU, I, № 248.

¹¹² LU, S. 30.

вине XIII в. литовцы не уступали в вооружении западноевропейскому рыцарству.

Уже в 1205 г. оружие литовцев представляло ценность и рассматривалось как хорошая добыча¹¹⁸. Несколько позднее князь Василько прислал Даниилу Галицкому «сайгат» из литовского похода: коней в сёдлах¹¹⁹, щиты, сулицы, шеломы. Немецкий хронист сообщает, что представители одного из прусских племён сжигали у Мемеля вместе с телами убитых воинов и их вооружение¹¹⁵.

Литовцы пользовались самострелами (agmburste)¹²⁰, строили осадные машины (gibalten), их соорудил Миндовг при осаде Амботена¹²¹; то же имело место позднее, при осаде Гейлигенберга, Динабурга и т. д.

Недостаточно изучена строительная техника литовцев; между тем число укрепленных городов-городищ у жмуди превышало тысячу¹²² и достигало пятисот в собственно Литве, поражая исследователей продуманностью сооружений¹¹⁹.

Оборонительная система, возведённая литовцами у жмуди и в Семигаллии, представляла собою несколько линий крупных и мелких замков, строительство которых согласовалось с рельефом окружающей местности. Пути к замкам тщательно охранялись и засекались (заваливались деревьями) как вдоль границ, так и внутри их¹²³; то же имело место у ятвягов, соорудивших «тверди»¹²⁴ и «осеки»¹²².

Литовские великие князья в XIII в., отбивая наступление немецких крестоносцев, создали на семигалльской территории крупные крепости — Доблен, Тервентен, Ракетен, Сидобен, Баботен и др. — и держали в них свои гарнизоны; литовские же гарнизоны стояли некоторое время и в куронских крепостях — Синтелес, Вартах и пр. Вообще на семигалльской и куронской территории было много замков («Ratten burge gnuce»)¹²⁵, у пруссов также были «multa castra et firma»¹²¹.

Обычно укрепление состояло из замка (burg, castrum)¹²⁶ и окружающего последний пригорода, снабжённого чем-то вроде бастионов (Hackelwerke)¹²⁶. Замок окружался ровом, через ров к воротам перекидывались

подъёмные мосты¹²⁷. Некоторые крепости (например Ракетен) имели стены не только вокруг замка, но и вокруг пригородов. Таким образом, рост литовских городов происходил аналогично росту русских.

Опираясь на свою военную технику, литовцы в открытых сражениях почти всегда побеждали немецких рыцарей (1236 — Шавли, 1260 — Дурбе, 1270 — Карузен, 1279 — Ашерраден и т. д.), нанося им большой урон. Не имея возможности осветить здесь этот вопрос подробнее, приведём лишь два примера о потерях, понесённых рыцарями в Прибалтике. В 1257 г. папа Александр IV говорил о 500 погибших рыцарях¹²⁸, а в 1261 г. папа Урбан IV писал о 1000 павших¹²⁹. Огромный вклад литовского народа в дело борьбы с немецкой агрессией несомненен.

Современники высоко ценили достоинства литовских вооружённых сил. Автор рифмованной хроники постоянно упоминает «schönes her» и «manchen helt» литовцев; это признание врага особенно ценно. П. Дюсбург также пишет, что у литовцев были «viri experti et subtiles in bello»¹²⁰. Наконец, хорошо известна «хоробра Литва»¹³¹ по нашим былинам.

Подведём итог нашего весьма неполного анализа основ хозяйства и техники дофеодальной Литвы:

1. Основу производства всех литовских племён на рубеже XIII столетия составляло пашенное земледелие, применявшее в качестве тягловой силы рабочего коня и вола, производившее следующие основные культуры: овёс, рожь, пшеницу, ячмень, горох, просо.

2. Развитие скотоводство поставляло литовскому обществу основные свои продукты: мясо, молоко, масло, сыр, шерсть, шкуры — и постепенно (со второй половины XIII в.) пополняло ими статьи вывоза.

3. Ремесленное производство поставляло шерсть, ткани, одежду, обувь, кожи, орудия труда. Ускоренно развиваясь, оно позволило осуществить вооружение литовского войска на достаточно высоком уровне и серьёзно способствовало успехам литовской фортификационной техники.

4. Существенным дополнением к основным видам производства служили многообразная охота, бортничество, рыбный и тюлений промысел.

5. Тесные связи крупнейших литовских племён (аукстоте, ятвяги, корсь) с Киевской Русью объясняют наличие в XIII в. в Литве существенных заимствований из русского торгового словаря и русской денежной системы.

Наличие этих связей немало способствовало укреплению литовского дофеодального государства, усиливая его стойкость перед лицом военного и экономического наступления католических крестоносцев.

¹¹⁷ Ibidem, S. 252.

¹¹⁸ LU, I, № 314.

¹¹⁹ Ibid., VI, № 407a.

¹²⁰ PD, III, 106 («мужи испытанные и тонкие в военном деле»).

¹²¹ Былины. Т. I, ред. М. Сперанский, стр. 28. М. 1916.

¹¹³ ГЛ, 91 (1205).

¹¹⁴ ПСРЛ, II, стр. 837; сёдла у литовцев видим и в LR, S. 60.

¹¹⁵ LR, S. 89.

¹¹⁶ Ibidem, S. 198.

¹¹⁷ Ibidem, S. 58.

¹¹⁸ Слицын А. Указ. соч., стр. 72—73.

¹¹⁹ Krzywicki L. «Zmudź starożytna», str. 72. Warszawa, 1906.

¹²⁰ LR, S. 168.

¹²¹ ПСРЛ, II, стр. 702.

¹²² Там же, стр. 827. Следует отметить, что древние пруссы знали термин «osseke» в значении укрепления. См. SRP, I, S. 129.

¹²³ LR, S. 169.

¹²⁴ PD, III, 5 («Многочисленные и прочные укрепления»).

¹²⁵ Автор LR обычно не отличает hof от burg; возможно, что hof — это burg одного владельца; а burg — нечто большее, управлявшееся старейшинами.

¹²⁶ LR, S. 209 (Доблен). S. 219 (Тервентен).